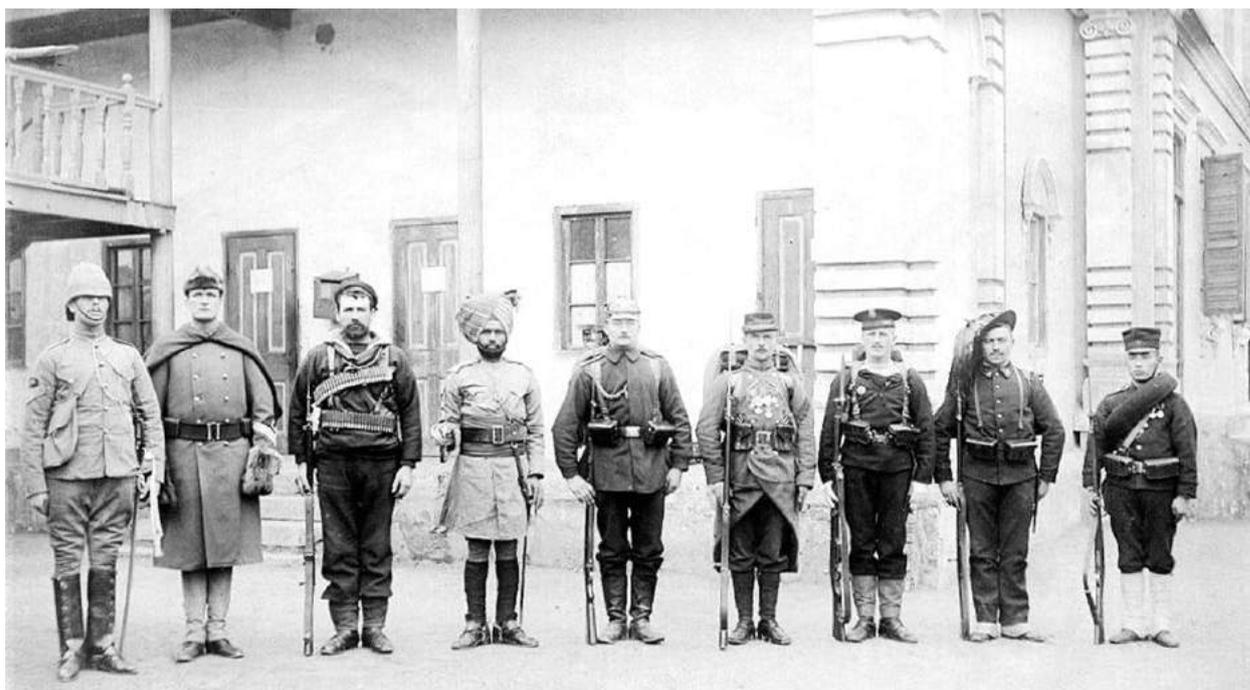
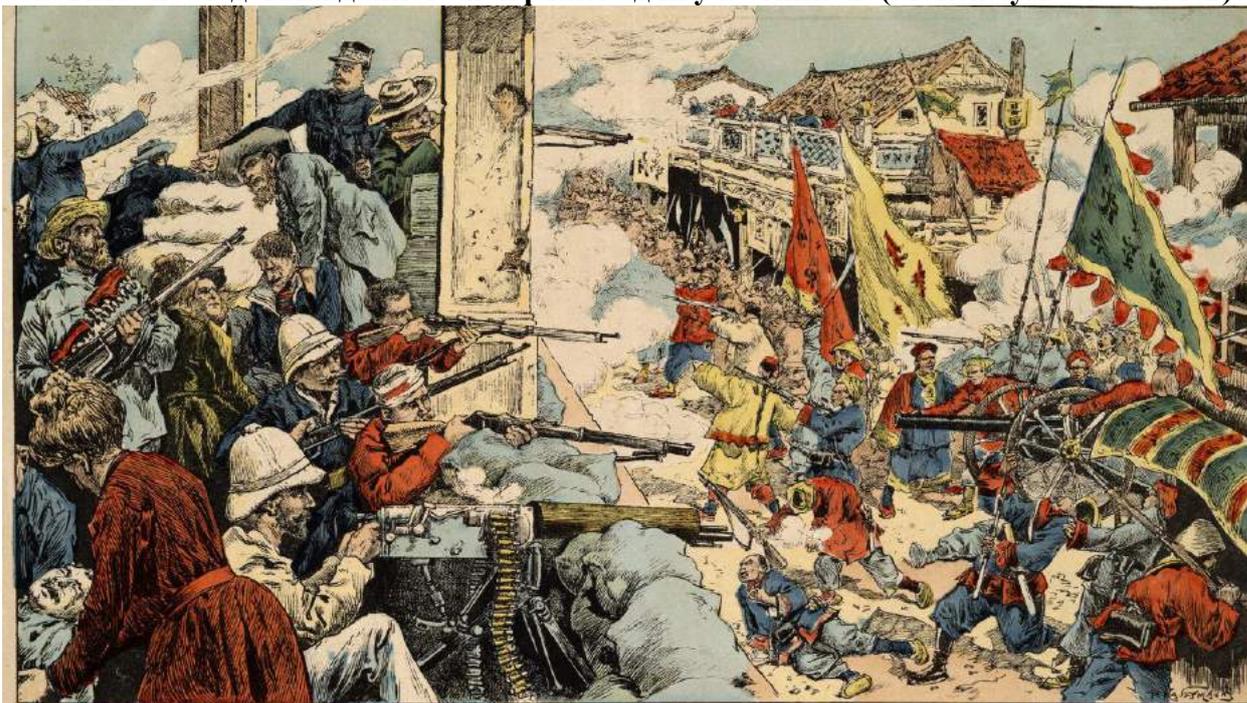

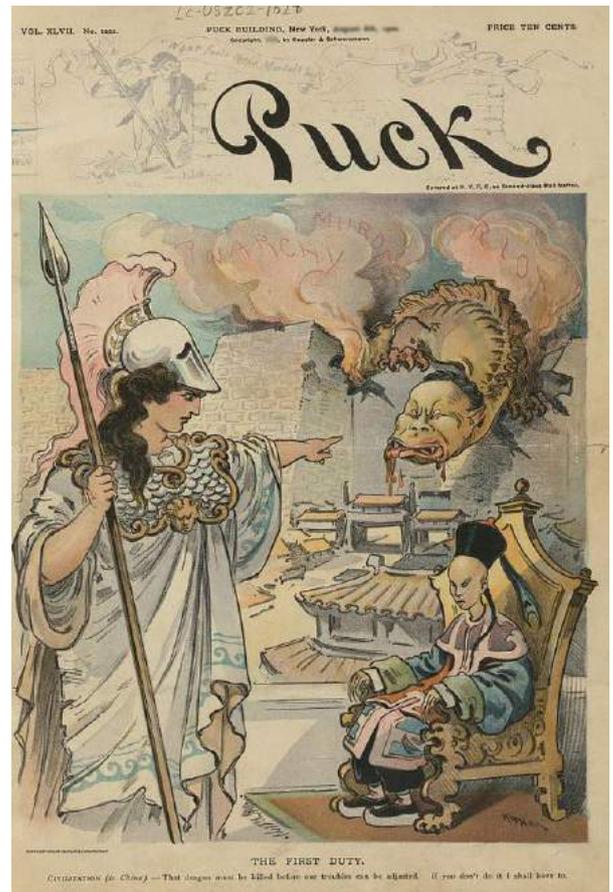
Время выполнения заданий - 180 минут
Максимальное количество баллов - 180

Пишите разборчиво. Кроме ответов на вопросы в работе не должно быть никаких пометок. При отсутствии ответа ставьте прочерк.

Часть I (Максимум – 120 баллов)

1.1. Посмотрите на изображения. Назовите конфликт в Восточной Азии, историю которого они отражают. Кратко и аргументировано объясните свой выбор. Опишите основные последствия данного конфликта для участников. (Максимум – 40 баллов)

1.2. Установите соответствие между нижеследующими цитатами и жанрами арабской поэзии. Ответ запишите в виде парных последовательностей цифр и букв. Например: 1А. Для каждой пары дайте краткое обоснование своего выбора соответствия (Максимум – 40 баллов)

1	<p>Все гассаниды отважны, сильны, без изъяна, Только мечи их немало зазубрин хранят.</p> <p>Эти мечи рассекают двойную кольчугу, А из камней огневой высекают каскад.</p> <p>Воинов бог одарил удивительным нравом: Щедры они, а в бою не страшатся преград.</p> <p>Слово господне живет в их Священном писанье, Вера их истинна, каждый для каждого — брат.</p> <p>В платье нарядном встречаются они воскресеньем. Ладан и миро на праздник друг другу дарят.</p> <p>Юные девы приветствуют их поцелуем, И дорогими одеждами каждый богат.</p> <p>Все одеянья белы, зелены их оплечья, Тело холеное в пышный одето наряд.</p> <p>Этот народ благоденствует, но не надменен И не становится слабым от бед и утрат.</p>	А	Фахр
2	<p>Я пью, но храню свою честь, не слышу прихлебателем, Меня и транжиром никто обозвать бы не мог.</p> <p>Ты знаешь мой нрав: я не стану и после похмелия Скупей, чем на пиршестве. Но разве щедрость — порок?</p> <p>Рука моя многих красавиц оставила вдовами, И раны зияли у тех, кто в сраженьи полег.</p> <p>Удар наносю я, и кажется кровью драконовой Окрасивший грудь неприятеля алый поток.</p> <p>Скажи, разве ты о моих не слышана подвигах? Неужто отвага моя лишь тебе невдомек?</p> <p>Не часто схожу я с хребта скакуна крепконового, Который не раз был от смерти в бою недалек.</p> <p>Он смел в поединке, он с ходу врывается в полчище, Быстрее, чем стрелу запустить успевают стрелок.</p> <p>Все знают, что Антара первым на копья бросается, Но первым добычу ни разу еще не волок.</p>	Б	Хамрийят
3	<p>Он пьян с утра и до утра мертвецки, как бревно, Но держит голову его над чашею вино.</p> <p>Он пьет, пока не упадет, сраженный наповал, Порою кажется, что он рассудок потерял.</p> <p>Мы ногу подняли его — другую поднял он, Хотел сказать: «Налей еще!» — но погрузился в сон.</p> <p>И мы глотаем за него, впадая в забытье,</p>	В	Мадх

	<p>На головню из очага похожее питье. Налейте ж мне! Налейте всем! Да здравствует вино! Как муравьи в песке, ползет в моих костях оно.</p> <p>Так в лоне огненном возрос сын города сего, Росло и старилось вино, чтоб сжечь дотла его!</p> <p>Горит звезда вина, горит! И он, страшась беды, Спешит разбавить алый блеск прозрачностью воды.</p> <p>И закипают пузырьки на дне, как будто там Сто человечков, и они, смеясь, кивают нам.</p>		
		Г	Зухдийят

1.3. Посмотрите на изображения и ответьте на вопросы:

А). Назовите, кто представлен на каждом из изображений пары (Максимум - 20 баллов)

Б). Раскройте, каким образом связаны изображения в каждой из пар (Максимум – 20 баллов)

2

3

Часть II (60 баллов)
Понимание научного текста

Прочитайте фрагмент монографии К.В. Асмолова. *Корейская политическая культура: Традиции и трансформация*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2017 – С. 181-185. Ответьте на вопросы внизу текста.

Основные мифы корейского национализма

Ведущие установки, лежащие в основе националистического компонента идеологии обоих корейских режимов, можно перечислить достаточно легко. В первую очередь это миф о **национальной исключительности корейцев**, замечательных во всем. В своей статье «Миражи в центре Сеула, или размышления о корейском патриотизме» Т. Габрусенко приводит целую коллекцию таких «бытовых мифов»: об особой любви к ребенку, из-за которой корейская мать носит его на спине (не то, что западная женщина, равнодушно заталкивающая свое чадо подальше в коляску, с глаз долой); о превосходстве заклеенных бумагой окон над окнами застекленными (оказывается, предки заклеивали окна бумагой намеренно, чтобы создать интимный полумрак, которого не может быть в банально светлой западной комнате); о выдающейся калорийности и полезности «обезжиренной» корейской кухни; даже о преимуществе завязок на традиционных корейских штанах перед западными пуговицами.³⁵

Пропаганда эта ведется весьма агрессивно и примитивно. Характерные примеры – цитата из рекламной листовки, представляющей иностранцам коллекцию современной корейской керамики: «Как известно, наша великая керамика имеет 1000-летние традиции.

Межрегиональная олимпиада школьников «Высшая проба» -2018, 2 этап

Поэтому с нашей коллекцией ни в какое сравнение не идет известная французская (sic!!) картина «Мона Лиза», имеющая всего лишь 400-летнюю историю», или название сюжета в утренней программе Эс-Би-Эс: «Мы должны доказать превосходство *кимчхи* всему миру»³⁶. <...>

М. Брин указывает, что этот миф достаточно распространен среди корейцев, [С. 181] накладываясь на представление об их уникальности в рамках националистической идеологии.³⁷ При этом те элементы национальной традиции, которые в глазах иностранцев могут стать поводом причисления корейцев к «варварам» (например, то, что корейцы спят на полу или едят собачье мясо), замалчиваются или отрицаются. Однако данный миф распространяется скорее на бытовом, а не государственном уровне. Нам гораздо более интересен **миф об исключительной древности корейского этноса**, продиктованный желанием корейских националистов «уравнять» во времени историю своей страны с исторической традицией своих соседей. Все граждане РК хорошо знакомы с формулой «пятитысячелетняя история Кореи», которую принято отсчитывать с 2333 г. до н. э. (времени восшествия Тангуна на престол). Хотя, как можно заметить, не набежало и четырех с половиной, тысяч, цифра «5000 лет» понравилась корейским националистам потому, что она ровно в два раза превосходила официально признанный возраст японской монархии, которой, согласно государственному мифу Японии, исполнилось «всего» две с половиной тысячи лет.

Нечто подобное происходило и в КНДР. В конце 1990-х гг. ученые Пхеньяна развивали идею так называемой «Тэдонганской культуры», которую они считали одной из пяти или семи колыбелей человечества и одной из древнейших цивилизаций наряду с египетской, месопотамской и т. п. Публикации на эту тему продолжают и сейчас, однако доминирующим мифом этого направления является миф о Тангуне.

Для корейского национализма характерны две тенденции в отношении прародины корейцев, которые несколько противоречат друг другу. С одной стороны, это желание доказать, что корейцы издревле присутствовали на полуострове, с другой – корейскому этносу приписывали распространенность на большей территории, что могло вылиться в предположение о том, что на полуостров древние корейцы пришли извне, с некоей мистической прародины.

Преобладание той или иной тенденции отчасти зависело от уровня интеграции страны в международное сообщество: чем сильнее дух опоры на собственные силы, тем крепче позиции автохтонности. Когда же господствующей идеологией оказывалась глобализация или, как в КНДР до окончательного перехода к чучхэ, пролетарский интернационализм, корейцы оказывались более связанными с внешним миром.

На Севере все было достаточно просто. Как только чучхэ стало господствующей идеологией, было объявлено, что Корея - одна из колыбелей человечества и что корейцы всегда жили там, где живут сейчас. Любые попытки изучать родственные связи корейского языка находятся в Северной Корее под строжайшим запретом. Родственников у корейского языка быть не может по определению, и сомневаться в этом - тяжкое политическое [С. 182] преступление³⁸.

На Юге основу корейского национализма во многом строили на рассуждениях Чхве Нам Сона. Будучи автором нескольких работ по корейской истории, Чхве пытался объявить Корею колыбелью мировой цивилизации и родиной солярного мифа, и даже, <...> доказывал, что представители корейской цивилизации основали Персию и Бухару.

Большая часть подобных историков опирается не на «*Самгук саги*» (ее составителя Ким Бу Сика критикуют за излишний китаецентризм и гипотетическое уничтожение более древних и более верных источников), а на «*Самгук юса*» и разнообразные тайные писания корейских даосов, определением датировки которых специально никто не занимался.

В трудах националистов этой группы активно муссируется тема Тангуна не только как первопретка корейской нации, но и как создателя новой цивилизации, распространившейся по всей Азии и имевшей свои религии – шаманизм и солярный культ. Так называемые доказательства этого базируются, в основном, на существовании в самых различных регионах шаманской традиции и поклонения Солнцу, а также – на механически вырванных из различных языков сходно звучащих элементах топонимики.

С ростом интеграции РК в мировое сообщество возросли позиции тех, кто пытается доказать пришествие корейцев с некоей мифической прародины, находящейся далеко за пределами полуострова. Продолжая отрицать трехкомпонентное (протоалтайско – австронезийско - палеоазиатское) происхождение корейского этноса, который возник как смесь разных этнических групп, в то же время новые националисты с восторгом восприняли выводы зарубежных лингвистов, которым в последние десятилетия удалось окончательно доказать отдаленное родство корейского и алтайских языков. Причина этого энтузиазма понятна: широкие родственные связи дают основания для имперских притязаний.

Они же могут стать опорой для еще одного мифа – **мифа о былом величии**. «Униженное настоящее» стремятся компенсировать выдающимся прошлым, начиная от раздувания тех моментов корейской истории, когда маленькая Корея смогла взять верх над большими соседями (Китаем или Японией), до активного педалирования корейского

вклада в мировую культуру: о наборном металлическом шрифте, дождемере и *кобуксоне* знает каждый кореец.

Другое проявление мифа о былом величии – территориальные притязания, пока имеющие форму разглагольствований о том, какими великими мы были раньше и какие территории мы потеряли. Разговоры эти ведутся по двум направлениям. Первое как бы «расширяет» понятие «кореец». Характерный (и типичный) пример таких построений - книга Кеннета Ли, недавно вышедшая в США. В ней автор [С. 183] именуется корейцами все алтайские народы Дальнего Востока, включая маньчжур или киданей³⁹. <...>

Второе направление - собственно разговоры об утраченных землях, которые переводят в разряд «условно корейских» достаточно большие территории. В первую очередь это те территории Маньчжурии, которые некогда были частью Когурё. «Утраченными» считаются и земли государства Бохай (Пархэ), которое, напомним, существовало в Маньчжурии (и, частично, на территории российского Дальнего Востока) в VIII-X вв. Первым с такими заявлениями выступил известный националистический публицист Ан Чхон, чей пятисотстраничный том «Маньчжурия - наша земля»⁴¹ стал в Корее бестселлером и выдержал несколько переизданий. Конечно, никто из корейских националистов не говорит открыто о территориальных притязаниях и не призывает к немедленной войне с Китаем за «возвращение» Маньчжурии. Речь идет о другом - о необходимости копить силы: «Мы должны наращивать нашу мощь. Мы должны не снижать темпов экономического роста. И тогда мы все вместе вернем нашу землю, нашу Маньчжурию»⁴².

К проявлениям корейского национализма этого типа можно отнести и требования переименовать Жёлтое и Японское моря в Западно-Корейское и Восточно-Корейское. Естественно, особое внимание уделяется Японскому морю, ибо здесь на грезе об утраченных землях (в данном случае, водах) накладывается еще один очень важный для понимания корейского национализма **миф о внешних происках**.

Злую волю японцев стараются искать во всем, их обвиняют в том, что благодаря политике ассимиляции Корея безвозвратно утратила большую часть достижений национальной культуры. Даже написание слова «Корея» с буквы «К» объясняется тем, что японцы специально навязали миру написание через «К», а не через «С», с тем, чтобы при перечислении стран в алфавитном порядке на латинице Япония шла раньше.

Более левые националисты распространяют этот миф и на Китай, выстраивая концепции того, какой процветающей была бы Корея в случае, если бы объединителем Трех Государств оказалось Когурё или если бы увенчался успехом мятеж Ким Ок Кюна. Вообще, следует обратить внимание на то, что образ Когурё всегда привлекал левых

националистов, так как, в [С.184] отличие от прокитайского Силла, Когурё было не только менее проникнуто китайской культурой, но и эффективно противостояло попыткам Китая его покорить, не раз давая отпор превосходящим силам противника.

Отголоски этого мифа видны и в трактовке корейскими националистами причин Корейской войны, вину за развязывание которой они стремятся возложить не на руководителей корейских государств, а на Россию и США. На Севере эта пропаганда разворачивается в рамках общей концепции антиамериканизма в сочетании с рассказами о зверствах янки во время войны, на Юге более правые националисты называют виновником Сталина, более левые – Сталина и Трумэна. Критикуя взгляд на Корейскую войну как на неизбежный итог противостояния двух мировых систем (такой подход они называют великодержавным), они считают, что, будь мнение самих корейцев и ситуация внутри страны не были бы сброшены со счетов, конфликта можно было избежать или обойтись меньшей кровью. Сюда же – и рассуждения сторонников теории заговора, объясняющие экономический кризис 1997 г. в РК только внешними причинами.

Другая сторона мифа о внешних происках – это замалчивание позитивной стороны иностранных влияний. Неприятные для официальной точки зрения моменты истории или удаляются из учебников, или присутствуют в курсе истории в минимальном объеме. <...>, сказать что-либо о позитивном влиянии Японии на Корею во время колониального господства для корейского историка равносильно научному самоубийству. Несколько менее «опасно для жизни» говорить о заимствовании японского опыта в ходе корейской модернизации (упоминать об этом можно, но в рамках критики Пак Чжон Хи) или о том влиянии, которое оказало на Корею присоединение к китайскому культурному региону.

Борьба с излишним китайским влиянием во многом проходит также в русле поддержки не задетых Китаем элементов национальной традиции и стремления сократить лексический пласт слов китайского происхождения и количество употребляемых в письменных текстах иероглифов. Замена бытовых слов китайского происхождения исконно корейскими особенно четко проявляется на Севере - например, вместо «суро» (канал) предлагается говорить «мулькиль».

Кроме того, миф о внешних причинах неудач оказал влияние на образ корейцев как «больше всех пострадавших». Не только преподобный Мун Сон Мён, но и некоторые протестантские пасторы совершенно серьезно пропагандируют идею о том, что с некоторых пор именно многострадальные корейцы являются богоизбранным народом, ибо перенесли более всех мучений. По их мнению, 35 лет под японским игмом, затмевают 2000 лет еврейской диаспоры и Холокост в придачу. [С.185]

³⁵ Габрусенко Т. Миражи в центре Сеула, или размышления о корейском патриотизме. // Сеульский вестник, <http://vestnik.tripod.com>, рубрика «Статьи».

³⁶ Габрусенко Т. Миражи...

³⁷ Breen Michael. Kim Jong-il... С. 146

³⁸ Ланьков А. Два источника...

³⁹ Kenneth B. Lee. Korea and East Asia: The Story of a Phoenix. London, 1997.

⁴¹ Ан Чхон. Манчжу-нын ури ттан (Манчжурия - наша земля). Сеул, 1990.

⁴² Заметка Ли Санъ-хо. Манчжу-нын ури ттан (Манчжурия - наша земля). // Сеге ильбо, 23.09.1993 г., с.11.

А) Какие основные типы национальных мифов выделяет автор? (Максимум – 20 баллов)

Б) Как внутренние и внешние факторы влияют на развитие различных мифов корейского национализма? (Максимум – 20 баллов)

В) Является проблема идеологической мифологизации исключительно корейской или она проявляется в современном развитии и других обществ Востока? Развернуто обоснуйте свой ответ, приведите известные вам примеры современного идеологического мифотворчества. (Максимум – 20 баллов)